

П Р Е С Т У П Л Е Н И Я С Т Р А С Т И

ЛЕКСИ ЭЛЛИОТТ

Француженка
по
соседству

Москва
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Э47

Lexie Elliott
THE FRENCH GIRL

Copyright © 2018 by Lexie Elliott. All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with The Berkley Publishing Group, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии и переплета *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

Эллиотт, Лекси.

Э47 Француженка по соседству / Лекси Эллиотт ; [пер. с англ. А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-097079-7

Приготовьтесь потерять счет времени.

Daily Mail

Роман полностью овладевает вниманием.

Associated Press

Эллиотт проделала великолепную работу.

Library Journal

Умный, захватывающий триллер.

Booklist

Этот невероятный, взрывной роман расширил жанровые границы романтического триллера — что до сих пор казалось совершенно невозможным...

Шесть молодых друзей-англичан на отдыхе во Франции. И соседка-француженка, ставшая новым источником конфликтов для компании, и так находившейся на грани распада. Внесла сумятицу — и исчезла непонятно куда... Так они думали в течение десяти лет, пока не прогремела новость: скелет француженки Северин найден в колодце неподалеку от места, где они отдыхали. Убийцей может быть только один из них...

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097079-7

ГЛАВА 1

Самое поразительное, что я понимаю, оглядываясь в прошлое: она знала, что не нравилась мне, но ей было наплевать. Подобное самообладание в нежном возрасте девятнадцати лет вообще-то вещь неестественная. Или же вполне во французском духе. Она же была типичной француженкой. Француженкой до мозга костей.

Новость мне сообщил по телефону Том. Возможно, уже это должно было подсказать: тут что-то не так. Я не помню, когда он последний раз мне звонил. Это вовсе не значит, что мы с ним не общаемся: в отличие от большинства моих друзей-мужчин, он частенько пишет мне по электронной почте. Наверное, я тогда подумала, что он хочет сообщить мне радостное известие: например, пригласит на вечеринку или на свадьбу — его свадьбу; в конце концов, они с Дженной помолвлены уже целую вечность...

Но он говорит:

— Кейт, ты помнишь то лето?

Семь лет в Бостоне не изменили его акцент: это по-прежнему моментально узнаваемый продукт лучшего английского образования, какое только можно купить за деньги. У меня в голове тотчас всплывает образ. Я вижу его таким, каким видела в последний раз два лета назад: ярко-голубые глаза на фоне загорелой кожи с веснушками, рассыпанными по крючковатому носу, взлохмаченные темные волосы,

длинные, завивающиеся на концах. Вряд ли он выглядит так сейчас, после суровой зимы в Новой Англии, но образ в моей голове отказывается меняться.

Я точно знаю, какое лето Том имеет в виду: лето после окончания университета, когда мы вшестером провели идиллическую неделю на ферме во Франции. Идиллическую, или в основном идиллическую, или идиллическую отчасти... Ее трудно вспоминать объективно, так как Себ и я сразу же расстались. Я сразу выбираю легкомысленный тон:

— Тебе не кажется, что это похоже на шестидесятые годы? «Если вы их помните, значит, вас там не было».

Он игнорирует мое поддразнивание.

— Соседка...

— Северин. — От моего легкомысленного тона не остается и следа. И я больше не жду приглашения на вечеринку. Я закрываю глаза, я знаю, что именно вот-вот услышу. Воспоминание всплывает само, без всякого приглашения.

Северин, тоненькая и гибкая в крошечном черном бикини, ее загорелая, темно-коричневая кожа, такая гладкая на солнце. Она стоит, с вызовом отставив одну ногу, как будто готова уйти прочь, как только утратит интерес. Северин, которая без малейшего намека на улыбку, смягчившую бы эту ее суровую красоту, представилась как «мадемуазель ваша соседка» и которая бесследно исчезла после того, как мы все шестеро вернулись в Британию.

— Да, Северин. — Том умолкает, и по телефонной линии пробегает короткая пауза. — Ее нашли. То есть ее тело.

Я молчу. Подумай я обо всем этом вчера — я же, разумеется, об этом не думала, — я сказала бы, что ее вряд ли когда-нибудь найдут. Но после резких слов Тома все внезапно кажется predetermined, как если б все возможные пути

вели именно к этому. Я представляю себе ее кости, чистые и белые после десяти лет, усмешку ее безупречного черепа. Она точно ненавидела бы ее, эту неизбежную улыбку смерти. Северин, которая никогда не улыбалась...

— Кейт? Ты меня слушаешь? — спрашивает Том.

— Прости, да. Где они ее нашли? — Ее? Был ли труп еще «сю»?

— В колодце, — говорит он без всякой утайки. — На ферме.

— Бедная девочка, — вздыхаю я. Бедная, бедная девочка... И затем: — В колодце? Но ведь это означает...

— Да. Должно быть, она вернулась. Французская полиция хочет снова поговорить с нами.

— Конечно. — Я тру лоб, но, вспомнив белый череп под своей теплой кожей, поспешно опускаю руку. Колодец. Этого я не ожидала.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает Том, и в его голосе слышится тревога.

— Да. Просто я...

— Ты в шоке, — подсказывает он. — Знаю. — Кстати, в его собственном голосе никакого потрясения я не слышу. С другой стороны, у него наверняка уже было время привыкнуть к этой новости. — Ты скажешь Ларе? Я не уверен, что у меня есть ее номер.

— Да, я скажу ей, — говорю я.

Лара — моя самая близкая подруга, одна из тех шестерых. Полиция наверняка захочет поговорить со всеми нами — по крайней мере с пятерыми, что остались. Ведь Тео теперь вне юрисдикции любой полиции. Возможно, Том уже позвонил Себу и Каро или намерен это сделать... Наверное, я должна спросить, как они поживают, но я этого не делаю.

— Тебе придется прилететь из Бостона?

— Вообще-то я уже в Лондоне. Прибыл сегодня утром.

— Отлично! — Наконец-то хоть одно хорошее известие. — И надолго?

— Навсегда.

— Прекрасно. — Хотя есть в его тоне что-то странное, что можно заметить даже по телефону. — Дженна с тобой? — осторожно спрашиваю я, уже начиная подозревать, что знаю ответ.

— Нет. — Том громко выдыхает в трубку и неловко добавляет: — Так будет лучше.

Кстати, я полностью с ним согласна, но сейчас, похоже, этого лучше не говорить.

— Понятно, — решительно заявляю я. — Думаю, тебе стоит как-нибудь вечером появиться перед моей дверью с бутылкой вина.

— Скорее, с бутылкой виски.

— Приноси что угодно, а я приготовлю поесть. Не бойся, не отравлю.

Том смеется в телефон. Мне приятен его голос.

— Договорились.

Мне приходит в голову, что когда-то он смеялся чаще. Но тогда всем нам было по двадцать одному году, мы пребывали в молодости и беззаботности. Еще никто из нас не исчезал загадочным образом. Возможно, мы все тогда смеялись чаще.

* * *

Найдено мертвое тело, но жизнь продолжается. По крайней мере, для большинства из нас. Возможно, время останавливается для наших дорогих и близких, но, кто знает, вдруг оно остановилось для них десять лет назад, когда она внезапно пропала... Для нас, остальных, все как всегда, и для меня сегодня означает встречу с потенциальным клиен-

том. С весьма важным потенциальным клиентом: контракт с фирмой «Хафт и Вейл» помог бы моему едва оперившемуся бизнесу по подбору юридического персонала крепче встать на ноги. Я стою перед зеркалом в туалете моего офиса в Блумсбери, снятого на короткое время. На мне дорогой брючный костюм и сшитая на заказ шелковая блузка. Густые темные волосы зачесаны назад и собраны в аккуратный узел; неброская, аккуратно наложенная косметика подчеркивает зеленые глаза. Все вместе складывается в приятный портрет деловой женщины. Я улыбаюсь, проверяя, не застряли ли между зубами маковые зернышки от рогалика, который я ела на ланч. В моей голове тотчас возникает образ улыбающегося черепа Северин. Улыбки в зеркале как не бывало.

Я выхожу из туалета. Моя ассистентка Джулия поднимает голову от компьютера.

— Такси уже ждет, — сообщает она, вручая мне папку. — Всё на месте?

— Да. — Я быстро проверяю содержимое папки. Да, всё на месте. — А где Пол?

Пол — мой деловой партнер, непревзойденный хедхантер — «охотник за головами». Он здесь потому, что верит в меня и еще сильнее — в свою долю доходов, если все у нас пойдет хорошо. Я стараюсь держать в поле зрения его расписание деловых встреч. Если наш бизнес-план себя не оправдает, Пол здесь долго не задержится.

Джулия проверяет по компьютеру — одна рука лежит на мышке, другой она поправляет на носу очки.

— У него встреча с тем кандидатом на Флит-стрит.

— Ах да, — отвечаю я и снова быстро посматриваю папку.

— Кейт, — говорит Джулия, и в ее голосе мне слышится легкая досада. — Там всё на месте.

Я захопываю папку.

— Знаю. Спасибо. — Делаю глубокий вдох. — Все хорошо. Увидимся позже.

— Удачи тебе. — Она было уже снова повернулась к компьютеру, как вдруг останавливается. — Тебе тут звонили. Думаю, тебе захочется ответить на звонок, когда ты уже сядешь в такси. — Взглядом ищет блокнот с телефонными сообщениями. — Ага, нашла. Каролин Хорридж. «Пожалуйста, перезвони». Она не сказала, по какому поводу звонит.

Каро. Звонила мне. Неужели?

— Ты шутишь.

Джулия смотрит на меня. Лицо ее серьезно.

— Если это шутка, то до меня она не дошла. — Она протягивает мне сообщение.

Я беру у нее листок.

— Мы вместе учились в университете, — поясняю, нахмурившись. — Я бы не сказала, что мы с ней близкие подруги. Последний раз я видела ее лет пять назад, на какой-то вечеринке... — Смотрю на телефонный номер, записанный аккуратным почерком Джулии, и удивленно говорю: — Ой, да ведь это же номер фирмы «Хафт и Вейл». В последнее время я набирала его так часто, что выучила наизусть.

— Может, она задумала прыгнуть с корабля?

Может быть. Какие еще могут быть у адвоката причины звонить в бюро по подбору юридического персонала? Но я с трудом представляю себе, чтобы Каро просила меня о помощи. Я сажусь в такси и думаю о призраках: о бедной мертвой Северин, о ее косточках, сложенных, словно меха аккордеона, чтобы поместиться в темном колодце; о бедном мертвом Тео, разорванном в клочья на поле боя; о Томе, каким он когда-то был, когда смеялся чаще; обо мне самой, какой когда-то была я; о Ларе, о Каро, о Себе... Всегда, всегда о Себе.

* * *

Мы познакомились с ним летом 2000 года, когда я окончила второй курс в Оксфорде. Мы с Ларой пробыли там уже достаточно времени, чтобы не чувствовать себя юными и наивными, но еще недостаточно долго, чтобы ощутить маячившую перед нами ответственность: никаких экзаменов в течение года, по крайней мере таких, какие шли в зачетку. Никакой необходимости до третьего курса думать о будущей работе. По мнению наших преподавателей, это был прекрасный год для того, чтобы заложить прочные основы знаний, необходимых для успешной сдачи экзаменов в следующем году. Мы же считали, что этот прекрасный год предназначен для того, чтобы подольше поваляться в постели после очередного загула в ночном клубе.

Нашим любимым занятием того лета было на халяву ходить по летним балам. Теперь такое с трудом укладывается в голову: нарядиться в коктейльное платье и без всякого билета прошмыгнуть в зал, чтобы, не заплатив ни пенни, без зазрения совести накачаться всем, что было в баре. Теперь, когда я слишком много размышляю на темы закона и права, я сочла бы это воровством. Тогда же это был своего рода спорт.

В любом случае нашей целью был не бал как таковой — в конце концов, все они были примерно одинаковы. Где-то лучше играл оркестр, где-то чуть короче очереди в баре, но в общем и целом все одно и то же. Нет, главной задачей было проникнуть туда без билета, ощутить приятное волнение от того, что мы обманули охрану, и безнаказанно смыться. Этот кайф значил куда больше, чем незаконно выпитый алкоголь.

В ту ночь, когда я познакомилась с Себом, нашей целью был бал в Линакре. Линакр — не самый богатый из ок-

сфордских колледжей и не самый большой. Не было никаких оснований полагать, что там будет приличный бал. Главная отличительная черта Линакра — это колледж магистрантов. В этом и заключался главный вызов. Они против нас, магистры против бакалавров, охранники против студентов. К тому же студентов пьяных, ибо перед тем, как брать штурмом этот бал, они уже провели военный совет дома у одного из студентов, жившего по ту сторону спортивного поля Линакра. Потому что на этом совете дешевое вино лилось рекой. Помню, как я пошла в туалет и споткнулась на моих высоченных шпильках. Я бы точно врезалась лбом в стену, но чьи-то незнакомые мне сильные руки поймали меня и не дали упасть. Мне тогда подумалось, что нам стоит отправиться в Линакр до того, как все мы уьемся в стельку, иначе мы не только не перелезем через стену, но и не преодолеем поле.

И тогда мы пошли туда. Гуськом вышли из недавно построенного дома и собрались на спортивной площадке. Темноту время от времени озаряли вспышки света из колледжа, до которого было метров двести. Трава на миг становилась изумрудно-зеленой, а ворота для игры в регби отбрасывали через все поле невероятно длинные тени. Кто-то взялся на военный манер отдавать приказы. Это жутко рассмешило Лару. Захихикав, она споткнулась и, чтобы не упасть, схватила меня за локоть. Повертев головой, я с удивлением увидела, что уже тридцать или сорок наших студентов берут Линакр штурмом. Мы с Ларой оказались в одной группе с теми, кого мы почти не знали. Хотя в темноте было плохо видно, там имелось как минимум двое парней с определенным потенциалом. Лара тотчас переключила на них все свое внимание, а ее улыбка мгновенно прибавила в ваттах.

Впрочем, времени, чтобы пустить в ход ее магию, у нас не было — нам предстоял штурм. План сработал благодаря

численности наших рядов. Мы шли на приступ волнами, быстро перебегая поле человек по десять-двенадцать — и как только мы умудрялись делать это на шпильках? Не знаю как, но, видимо, смогли. Если призадуматься, то как Лара умудрилась при этом не порвать свое узкое платье в облипку? Лично я свое была вынуждена задрать едва ли не до трусов. Помню, как по жилам струился смешанный с алкоголем адреналин. Вокруг меня раздавались боевые выкрики и какие-то невнятные вопли. Время от времени огни высвечивали бегущую по полю орду в вечерних нарядах. Добежав до стены Линакра, мы с Ларой сделали передышку, насколько это позволяло хихиканье, с которым мы обе никак не могли совладать. Наверное, это и помогло нам пробраться внутрь. Охранники были заняты тем, что разбирались с первой волной захватчиков, преодолевших стену. Когда мы забрались на стену, я потеряла Лару из виду. Мне жутко мешали совершенно не подходящие для этого платье и обувь. Я вскарабкалась уже почти до самого верха, когда чья-то протянутая рука и широкие плечи помогли мне преодолеть последние сантиметры. В темноте я сумела разглядеть непослушные темные волосы и блеск белых зубов под горбатым носом. Схватив протянутую руку, которая довольно бесцеремонно дернула меня вверх, я оказалась на стене как раз в тот момент, когда, ослепив меня, блеснула очередная вспышка. Беспомощно заморгав, я попыталась поблагодарить моего помощника, а заодно вернуть себе устойчивость и зрение.

— Прыгай! — крикнул кто-то снизу. Я едва расслышала его из-за бьющей по ушам музыки. — Я тебя поймаю.

Я оглянулась на моего спасителя. Тот кивнул и жестом указал на стоявшего внизу парня в вечернем костюме. На мое счастье, свет вспыхнул снова, и я посмотрела в бездонно-голубые глаза. Себ. Ну конечно, это был Себ.

Я прыгнула. Он меня поймал.

* * *

Примерно посередине моей встречи с мистером Гордоном Фарроу, старшим партнером юридической фирмы «Хафт и Вейл», когда тот, глядя куда-то вправо от меня, в сотый раз перекладывает бумаги, я понимаю, что сделка уплывает из моих рук. Вскоре после этого, пытаюсь объяснить ему достоинства моей фирмы перед нашими более именитыми конкурентами, я понимаю, что никаких шансов у меня не было с самого начала. Я нужна ему лишь для отвода глаз — конкурент, приглашенный лишь для сравнения, дабы убедиться: фирма, на которую пал их первоначальный выбор, действительно того стоит. Я умолкаю на середине предложения и вместо этого быстро кладу в рот овсяное печенье. Спустя пару секунд мистер Гордон Фарроу это замечает и впервые пристально смотрит на меня.

— Что-то не так? — спрашивает он.

Я поднимаю вверх палец и дожевываю печенье. Он терпеливо смотрит на меня, вопросительно выгнув брови.

— Нет, — отвечаю я, проглотив печенье. — Просто я только что поняла, что понапрасну трачу и ваше время, и свое, так как вы уже приняли решение. Мне понятны ваши мотивы, вы пригласили меня сюда для сравнения, но если это так, то я лучше угощусь вашим печеньем и выпью вашего чая, чем буду из кожи вон лезть, расхваливая сделку, которой мне никогда не видать.

В его глазах вспыхивает нечто вроде одобрения. Внешне он ничего собой не представляет: среднего роста, волосы с проседью, не тощий, не толстый, не слишком мускулистый, но для человека, которому хорошо за пятьдесят, в целом в неплохой форме. На нем хорошо сшитый костюм, но ничего яркого или необычного, что бросалось бы в глаза. Говорят, что самое яркое в нем — это его интеллект, но пока что он мне его не продемонстрировал.

— Вы всегда говорите, что думаете? — спрашивает Фарроу пару секунд спустя. Я отмечаю про себя, что он не опроверг того, что пригласил меня лишь для сравнения.

— Все реже и реже, по мере того как становлюсь старше, — отвечаю я с легкой улыбкой. — Слишком рискованная стратегия. И хотя я обязана ей многим самым лучшим вещам в моей жизни, — здесь я морщусь, — но одновременно и самым худшим.

Он улыбается моим словам.

— И что вы считаете одной из самых лучших вещей в вашей жизни?

— Учебу в Оксфорде, — отвечаю я, не задумываясь.

Он вопросительно смотрит на меня. Его глаза снова блестят.

— Это почему же?

— Такие, как я, обычно в Оксфорд не поступают. Учеба в нем открыла для меня новые горизонты. Я имею в виду не только перспективы работы. Оксфорд открыл для меня пути и возможности, о которых я даже мечтать не могла, поступи я куда-то еще.

— Моя дочь училась в Оксфорде, — говорит Фарроу. — Интересно, скажет ли она то же самое?

— Думаю, все зависит от ее социального окружения и ее личности.

Он с кислой улыбкой пожимает плечами:

— Каро попадает в категорию типичной кандидатки в Оксфорд.

Я растерянно моргаю.

— Надеюсь, это не Каро Хорридж? — Ну конечно же нет, ведь его фамилия Фарроу.

— Она, — удивленно отвечает он. — Вы ее знаете?

— Мы вместе учились.